Н. Ю. ЧАЛИСОВА

Чалисова Наталья Юрьевна
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория востоковедения,
ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: chalisova@hotmail.com

ПУТЬ И ДОРОГИ ПРАВЕДНЫХ В КНИГЕ ʻАТТАРА «ПОМИНАНИЕ ДРУЗЕЙ БОЖИИХ»

Аннотация. В Лаборатории востоковедения и сравнительно-исторического языкознания ШАГИ РАНХиГС осуществляется проект по исследованию агиографического нарратива в литературе и культуре Ирана. В задачи проекта на нынешнем этапе входят исследование первого персидского житийного свода — книги Фарид ад-Дина ʻАттара «Поминание друзей Божиих», полный академический перевод книги на русский язык. Данная статья включает описание основных направлений исследования (формирование повествовательной модели рассказа о святом, изучение ее влияния на стратегии описания святости в разных типах текстов культуры), а также служит введением к переводам избранных «поминаний», помещенным далее в журнале.

Ключевые слова: Иран, ислам, суфизм, агиография, Фарид ад-Дин ʻАттар

Цель настоящей статьи — рассказать о проекте изучения памятников иранской агиографии, осуществляемого группой иранистов Лаборатории востоковедения и сравнительно-исторического языкознания ШАГИ РАНХиГС. Центральным объектом на первом этапе исследования является компендиум «Поминание друзей Божиих» Фарид ад-Дина ʻАттара (ум. ок. 1221). Одновременно статья служит введением, по необходимости кратким, к помещенным далее в журнале публикациям переводов ряда житий из книги ʻАттара[1].

[1] См. статьи участников проекта Т. А. Счетчиковой, Л. Г. Лахути, М. А. Алонцева, Е. Л. Никитенко, Н. Ю. Чалисовой в этом номере журнала.

© Н.Ю. ЧАЛИСОВА

Традиция составления религиозных биографий сложилась в мире ислама первоначально на арабском языке и ко времени появления в Иране в XI в. первых персоязычных сочинений уже имела высокий культурный статус и насчитывала разнообразные жанры. Это связано прежде всего с тем, что примером для каждого мусульманина и руководством для жизни общины в целом служила и служит жизнь Мухаммада, сохраненная в биографических известиях. Рассказы сподвижников о поступках и высказываниях пророка, кропотливо собиравшиеся учеными-*мухаддисами* в первые века хиджры (VII–VIII вв.), были кодифицированы в виде корпуса хадисов «Сунны посланника Бога». Сунна (букв. «обычай, пример») стала вторым по значению, после Корана, текстом культуры ислама, ее изучение составляет важнейшую часть религиозного образования. Уже с начала VIII в. формировался и агиографический жанр жизнеописания (*sīra*, букв. «путь; образ жизни») пророка Мухаммада, а начиная с XI в. приобретают популярность сочинения по священной истории — сказания о пророках (*qiṣāṣ al-anbiyā*), ниспосланных людям до его прихода.

Императив следования примеру жизни Мухаммада не только обусловил — прямо или косвенно — богатство и жанровое разнообразие биографической традиции в целом[2], но и сказался в особом интересе мусульманских литератур к религиозной биографии. Жизнеописания «мужей веры» — от именитых богословов до праведных отшельников — играли роль «примеров на правило», представляя общине конкретные образцы проживания жизни по заветам Посланника.

Биографический нарратив «правоверной жизни», обраставший национальными и конфессиональными вариантами в ходе исторического развития ислама и накопления текстов, отнюдь не утратил актуальности и по сей день. Наоборот, он оказался востребован, а героями его стали теперь современные мусульманские лидеры. Так, официальные изложения биографии Аятоллы Хомейни, как и ее «неофициальные» варианты, выстроены по модели жизнеописаний шиитских имамов. В странах ислама отмечается возрастающая роль религиозной биографии как жанра, который позволяет приводить наставления и призывы «от лица авторитета» и может использоваться при работе с символами национальной или региональной идентичности и при необходимости вдохновить или узаконить политические акции [Hermansen 1995].

Становление персидской агиографической традиции исторически связано с формированием суфизма, мистико-аскетического течения в исламе, а географически — с востоком Ирана, Хорасаном, родиной одной из наиболее влиятельных ранних школ суфизма. В хорасанском городе Нишапуре жили и творили ʻАбд ар-Рахман Сулами (ум. 1021) и Абу-л-Касим Кушайри (ум. 1071) — авторы классических арабоязычных собраний суфийских биографий. Там же создал свой персидский компендиум и Фарид

[2] Этой теме посвящен ряд статей сборника [Kramer 1991].

ад-Дин ‘Аттар (ум. ок. 1221)[3]. Аптекарь, державший лавку на базаре[4], в которой вечерами собирались любители душеполезных историй, вошел в персидскую литературу прежде всего как поэт, прославленный автор мистических газелей и аллегорических поэм. Его прозаический компендиум, как отмечалось, также написан «с точки зрения поэта, который вдохновляется и наслаждается агиографическим материалом, а не члена конкретной школы или ордена суфизма, увлеченного прошлым своей традиции» [Paul 2012]. У ‘Аттара были и персидские предшественники[5], но именно его «точке зрения поэта» было суждено определить жанровую перспективу иранской агиографии на века вперед. Уже в XIII в., судя, например, по количеству сохранившихся рукописей, книга ‘Аттара приобрела популярность, а в XV в., в эпоху классификации и систематизации классического наследия, ‘Аттар был не только включен в пантеон лучших поэтов, но и признан мастером повествования [Reinert 1987].

Антология Фарид ад-Дина ‘Аттара принадлежит к числу важнейших памятников иранского суфизма. Ее арабское название *Taẕkirat al-awliyā* переводят по-разному: «Антология святых», «Перечень святых», «Memorial of the saints», «Memorial of God’s friends», а ссылаются обычно просто на «Тазкират». Слово *taẕkirat* ‘вспоминание, напоминание’ стало в дальнейшем, благодаря книге ‘Аттара, обозначением особого жанра иранской прозы — *тазкира* или *тазкире*, антологии, в которой собраны биографии и образчики творчества поэтов, суфиев и т. д. Мы предпочли перевести *taẕkirat* как «поминание», поскольку название книги призвано напоминать читателю именно о пользе акта поминания (*ẕikr*, постоянное поминание имени Бога, составляет одну из ключевых суфийских практик). В авторском предисловии» сказано:

> …О друзьях Божиих составил я некое поминание (*taẕkira-ī*) и назвал эту книгу *Taẕkirat al-awliyā*, чтобы заблудшие люди этого времени не забывали снискавших счастья, стремились к избравшим уединение и затворничество и выказывали приверженность им, чтобы через дуновение их счастья обрести связь с вечным блаженством [‘Aṭṭār 2007: 8].

---

[3] Обзорную статью об агиографической литературе в Иране и Средней Азии см.: [Paul 2012]; об ‘Аттаре и суфийской агиографии см. также: [Заглубоцкая 2015].

[4] Его литературный псевдоним ‘Аттар (*‘aṭṭār*) означает «аптекарь, торговец парфюмерными товарами», букв. «разносчик ароматов», перен. «распространитель благоухания Божественного знания».

[5] ‘Абдаллаху Ансари (ум. 1089) — суфию, богослову-ханбалиту, автору прозаических и поэтических сочинений на арабском и персидском языках, приписывается книга «Разряды суфиев» (*Ṭabaqāt aṣ-ṣūfiya*), записанная в XII в. его учениками на гератском диалекте; Худжвири (ум. между 1072 и 1077) включил агиографическую часть с краткими биографиями имамов веры и суфиев в свой трактат «Раскрытие скрытого», в котором впервые на персидском языке изложены мировоззренческие основы и практика суфизма (см. русский перевод: [Худжвири 2004]).

Книга включает в своей основной части 72 отдельных «поминания» (*ẕikr*) «друзей Божиих» — *awliyā*, мусульманского аналога святых, людей, которые достигли совершенства как в религиозной практике, так и в богопознании, которым ведомы тайны Сокровенного и доступно лицезрение Бога. Термин *awliyā* (мн. ч. от *walī* ʻдруг, приближенный'; полная форма *awliyāʾ allāh* ʻдрузья Бога') восходит к кораническому айату: «О да, ведь для друзей Аллаха нет страха, и не будут они печалиться» (Коран 10: 63 (62)). Согласно известному определению Кушайри [al-Qushayri 2007: 269], слово *walī* имеет два значения: первое, пассивное, указывает на того, чьи действия полностью направляются Богом всемогущим; второе, активное, указывает на того, кто берет на себя поклонение и повиновение Богу; в истинном *walī* совмещены оба значения. Еще более важно в контексте книги ʻАттара представление об *awliyā*, распространившееся в особенности в иранской среде, как о друзьях-влюбленных, поглощенных любовью к Богу и ведущих войну с самими собой[6].

К «друзьям Бога» в компендиуме ʻАттара отнесены не только суфии. Этот термин объединяет и ранних аскетов, и суфийских духовных наставников, и авторитетных религиозных деятелей — основателей правовых толков, и шиитских имамов. Выписанные персидским автором словесные «иконы» вовсе не единообразны; старцы следуют одним путем и к единой цели, но дороги выбирают разные, от благочестивого следования букве мусульманского закона до демонстративного пренебрежения основами шариата. Так, «мудрый дикарь» и отшельник Увайс из рода Каран племени Мурад (ум. 657) всю жизнь сторонился людей; Байазид из Бистама (ум. 874) избрал путь «опьянения» и восхождения к Богу за счет нисхождения по социальной лестнице и отказа от мирского благополучия; Джунайд из Багдада (ум. ок. 909) следовал путем «трезвости», он был прославленным проповедником и лидером багдадской общины, а величие его духовного подвига состояло в способности жить в миру и пребывать с Богом[7]. Перечисленные персонажи стали эпонимами основных «дорог» суфизма, их жития у ʻАттара развернуты и велики по объему. Наряду с этим приведены рассказы о менее именитых подвижниках, в чьих жизненных практиках тем не менее происходила «разработка» тех или иных аспектов суфийского учения.

ʻАттар предваряет свои сообщения о «друзьях Бога» пространным введением. В нем автор не только обстоятельно рассказывает о причинах, побудивших его к созданию книги, и о своих методах работы с источниками, но и дает указания читателю о том, как следует читать и воспринимать рассказы о суфийских шейхах и их слова — лучшие из слов после Корана

[6] Подробнее о значении и функционировании термина см.: [Algar 1987], см. также раздел «Друг (вали) и друзья (авлия)» в трактате «Раскрытие скрытого» [Худжвири 2004: 211–217].

[7] Перевод жития Джунайда см.: [Алонцев и др. 2016].

и хадисов. По справедливому мнению Т. А. Счетчиковой, автор представляет свою книгу как развернутый и многоаспектный ответ на вопрос «Что такое суфизм?»[8] и описывает его как совокупность различающихся моделей прохождения Пути и проживания жизни.

Список житий открывает, в нарушение хронологии, жизнеописание Джа'фара Садика (ум. 765), богослова и правоведа, основателя джафаритского мазхаба и — для мусульман-шиитов — шестого непогрешимого имама. Это нарушение (следующий за Джа'фаром Увайс из Карана жил веком раньше) далеко не случайно. Таким образом автор «Поминания» акцентирует внимание читателя на том, что своими корнями суфизм уходит в первые века ислама, а благочестие суфиев есть не что иное как подражание образу жизни и поступкам пророка Мухаммада, его сподвижников и потомков[9]. Завершает книгу рассказ о «мусульманском Христе» — ал-Халладже (ум. 922). Он прославился «жаждой страданий» и был казнен за свои проповеди и экстатические высказывания, самым знаменитым из которых стало восклицание «Я — Бог!». Расположение этого текста в «сильном месте» — концовке сочинения — возможно, связано с духовными предпочтениями самого автора. Именно сюжетные мотивы мученичества Халладжа служили 'Аттару строительным материалом для создания поэтических образов в тех газелях, где он воспевал страдание и принесение в жертву собственного «я». Ведь наличие «я» — главная преграда, что отделяет друга-влюбленного от его Возлюбленного[10].

Собранные в книге истории и афористические высказывания на протяжении веков служили аргументами в ученых трактатах, использовались как притчи в суфийской проповеди и обретали поэтическую форму в мистических поэмах и газелях. Антология 'Аттара хорошо известна специалистам, о ее статусе как источника свидетельствует уже тот факт, что этому памятнику отведена самостоятельная статья в «Encyclopaedia Iranica», а об аспектах изучения — приведенная там библиография [Este'lami 2004]. Однако до сих пор она служила прежде всего источником по истории арабского и иранского суфизма, к ней обращались за сведениями о фактах жизни и особенностях воззрений того или иного суфия. Именно такой подход к источнику объясняет, по-видимому, ситуацию с его переводами на европейские языки. Они есть, но перевод на шведский Э. Хермелина ['Attár 1931–1932] малодоступен, а французский сделан тюркологом Паве-де-Куртейлем в 1890 г. с уйгурской версии. Английских переводов несколько (Б. Бехари, А. Дж. Арберри, П. Лозенски), но Бехари дал очень

[8] См.: [Счетчикова 2014: 105]; статья включает перевод введения к «Поминанию друзей Божиих» на русский язык.

[9] Разбору жития, отраженным в нем приемам суфийской апологетики и его нарративным функциям в рамках книги посвящена статья [Алонцев 2016].

[10] См.: [Рейснер, Чалисова 1998], перевод жития Халладжа [Там же: 144–157]. Стоит отметить, что порядок расположения житий в разных рукописях разнится, наши рассуждения приложимы лишь к последовательности глав по критическому тексту ['Aṭṭār 2007].

сокращенный вариант, как и Арберри, который назвал свою выборку «эпизодами» [Muslim saints 1966]. Версия П. Лозенски [ʻAttār 2009], при высокой филологической культуре и точности, включает лишь тексты из непосредственно «суфийской» части житий (28 текстов из 72) и снабжена минимальным комментарием. Оба опубликованных русских перевода таковыми, в сущности, не являются, поскольку представляют собой русские версии английских переводов А. Дж. Арберри и Б. Бехари[11].

Между тем история суфизма и исламской мысли — лишь один из возможных аспектов исследования книги ʻАттара. К этому источнику, как и прочим агиографическим сочинениям, можно обращаться и с другими вопросами[12]. Написанная простым и изящным слогом, книга принадлежит к самым ранним и влиятельным текстам художественной прозы на новоперсидском языке, но до сих пор не избалована вниманием литературоведов. Она, по мнению иранского филолога М. М. Казвини, беспримерна как текст, сохранивший бытовые детали и подробности образа жизни праведников и аскетов [ʻAṭṭār *1905: ya–ze (перс. предисл.)*], в ней звучат голоса не только старцев, но и «великих немых», частных людей иранского Средневековья, но они все еще слабо расслышаны специалистами по социальной истории Ирана.

Обращение к «Поминанию друзей Божиих» как к памятнику персидской литературы и культуры послужило отправной точкой для проекта изучения памятников иранской агиографии. Первоочередной задачей для его участников является подготовка и введение в научный обиход полного филологического перевода агиографического компендиума, снабженного подробным историко-филологическим комментарием, глоссарием и «концептным» словарем. К настоящему моменту переведены и прокомментированы 30 из 72 глав, что составляет более половины объема всего текста.

Наряду с этим запланированы и ведутся исследования нарративных аспектов памятника[13], поскольку иранский «нарратив святости» сформировался в своих основных чертах именно под пером ʻАттара, который, как

[11] Отсылки к изданиям см.: [Счетчикова 2014: 107–108].

[12] Об обращении к памятникам суфийской агиографии как к многоаспектным источникам см.: [Чалисова 1989: 139–140].

[13] О «нарративном повороте» в исследованиях житийной литературы разных мировых религий см., например: [Heffernan 1988; Conermann, Rheingans 2014: 7–20]. Об интересе к данной теме свидетельствует и организация в Гентском университете конференции «Holy Hero(in)es. Literary Constructions of Heroism in Late Antique and Early Medieval Hagiography» (Святые геро(ин)и. Литературные конструкции героизма в позднеантичной и раннесредневековой агиографии; 18–20 февраля 2016 г.; см. программу конференции: http://www.novelsaints.ugent.be/wp-content/uploads/2015/09/Final-Programme.pdf); среди множества презентаций по византийской агиографии есть и несколько «восточных», в частности, с ʻАттаром связан доклад молодой исследовательницы из Кембриджа Michelle Quay «Female Heroism in Sufi Hagiographical Texts: From Sulami (d. 1021) to ʻAttar (d. ca. 1221)» (Женский героизм в суфийских агиографических текстах: от Сулами до ʻАттара).

византийский Симеон Метафраст (ум. ок. 960), по-своему пересказал все прочитанное и услышанное. Великий поэт и блестящий рассказчик, он «обкатал» повествовательную модель рассказа о друге Бога на 72 примерах и придал ей завершенность. Выработанные ʻАттаром правила рассказа о святом касаются сюжета с довольно устойчивым набором сюжетных узлов, особого характера каузальности, определяющей соположение событий, состава действующих лиц и распределения повествовательных ролей, организации пространства и времени, композиции и топики.

Этот нарратив воспроизводился последующими агиографами и оказал серьезное влияние на стратегии и риторику описания святости в разных типах текстов иранской культуры, как словесных (мистическая и светская поэзия, шиитская агиография, биографическая и автобиографическая проза), так и визуальных (миниатюрная живопись[14], устройство *мазара* — гробницы святого); он принадлежит к нарративам, во многом определяющим политическую риторику современного Ирана.

Исследования, вошедшие в проект и уже частично опубликованные, касаются прежде всего «внутренней» проблематики памятника. Упомянутые статьи [Счетчикова 2014; Алонцев 2016] посвящены семантике названия антологии, анализу тематических блоков введения к книге (Т. А. Счетчикова) и приемам суфийской апологетики, представленным у ʻАттара (М. А. Алонцев). В статье Л. Г. Лахути [Лахути 2015а] речь идет о приемах нарративизации суфийской доктрины в житийных притчах на примере «Поминания» хорасанского суфия и теоретика суфизма Шакика Балхи (ум. 809)[15], рассматривается репрезентация понятия «упование на Бога» (*tavakkul*) в доктринальных сочинениях, а также в притчах и рассказах о Шакике Балхи у ʻАттара.

В ходе работы над переводом участники проекта неизбежно сталкиваются с проблемой выбора корректных вариантов передачи суфийской терминологии. Поэтому в проект включены исследования, связанные с базовыми суфийскими концептами и их авторской трактовкой у ʻАттара. Уже подготовлены к печати статьи Н. Ю. Чалисовой «Суфийская “низшая душа” (*nafs*) как термин доктрины и персонаж жития: проблемы перевода» и Л. Г. Лахути «К составлению концептного словаря ʻАттара: о названиях “духовных органов” человека и их свойств».

Существенный блок исследований в рамках проекта касается «внешних связей» сочинения ʻАттара (житийный нарратив и его преломления в поэтических мотивах, в описании героев, мудрецов, правителей). В частности, в «Поминании» представлены скрытые части тех «айсбергов», вер-

[14] Представительная подборка изображений подвижников в миниатюре представлена на прошедшей в берлинском музее Пергамон в феврале–марте 2016 г. выставке «Mystische Reisende: Sufis, Asketen und Heilige Männer» (Мистики-странники: суфии, аскеты и святые люди), см.: http://www.smb.museum/ausstellungen/detail/mystische-reisende-sufis-asketen-und-heilige-maenner.html#.

[15] См. перевод жития в статье Л. Г. Лахути в этом номере журнала.

шины которых вошли в топику классической поэзии в виде конвенциональных образов. Житийные тексты оказываются, тем самым, важным герменевтическим ресурсом для чтения классической поэзии. Исследование Н. Ю. Чалисовой[16] посвящено проблеме преломления агиографической топики в образах любовных и мистических стихов. Анализ жития йеменского отшельника и «содыхателя Бога» Увайса Карани позволил автору выявить неявные коннотации распространенных в поэзии формул типа «аромат Увайса», которые содержат аллюзии к эпизодам жизни и духовной практики Увайса.

ʻАттар недаром прославлен в традиции как великий рассказчик. Он постоянно обращался к фонду литературных сюжетов и фольклорных историй, которые под его пером превращались в суфийские притчи. Исследованию этой нарративной стратегии ʻАттара, характерной как для его житийной прозы, так и для поэм-маснави, посвящена работа Л. Г. Лахути о двойной роли Искандара Двурогого в мистической поэме «Илахи-наме» [Лахути 2015b]. Рассказы об Искандаре (Александре Великом) широко распространены на Ближнем Востоке благодаря многочисленным переработкам романа Псевдо-Каллисфена, а также иранским историографическим источникам. В статье обсуждаются образы Искандара в литературной традиции иранцев (доисламской и мусульманской), а также аспекты трансформации его истории в житийную в «Божественной книге».

Е. Л. Никитенко работает над темой использования модели рассказа о святом в автобиографии правителя. В ее статье «Нарратив святости в рассказе о жизни политического деятеля: мемуары шаха Тахмаспа I Сефевида»[17] показано, как второй правитель шиитской династии Сефевидов конструирует в «Мемуарах» свою жизнь, переплетая традиционные нарративы царя и святого.

Успех дальнейших запланированных исследований напрямую связан с завершением работы над комментированным переводом «Поминания», что составляет приоритетную задачу проекта. Даже по нескольким житиям, избранным для публикации в этом номере журнала, хорошо видно, что автор ведет свой рассказ о «друзьях Божиих» по строго определенному плану. Его основные пункты стоит перечислить для удобства дальнейшего чтения. Повествование о каждом из праведников предваряет парадный зачин, написанный рифмованной прозой (*saj ʻ*); набор торжественных определений — не просто дань традиции украшать начало повествования, одновременно они служат указанием на лейтмотивы рассказа. Повествовательное время организовано как «рождение, детство, обращение на путь», «смерть» и «то, что между». Центральная часть каждого жизнеописания представляет собой «коллекцию моментов», сгруппированных тематиче-

[16] Первая часть опубликована [Чалисова 2015], вторая готовится к публикации.
[17] См. публикацию Е. Л. Никитенко в этом номере журнала.

ски, но не связанных хронологически или каузально[18]. В этой нарративной стратегии находит отражение концепция пребывания суфия в моменте времени: «сын момента» счастлив с Богом в настоящем, свободен от мыслей о прошлом и заботы о будущем (а то и другое суть «завесы» между взыскующими и Богом). Поступки праведников часто предстают противоречивыми, даже в пределах одного текста, и несводимыми к единым этическим правилам, что также объясняется самонаблюдением «внутри момента»[19]. Рассказ о событии вводится обозначением неопределенного времени («однажды») либо локуса («Когда шейх был там-то»)[20]. Композиционно каждая глава разделена на две части — сначала следуют *acta*, «деяния», за ними — *dicta*, «речения».

В части «деяний» приводятся рассказы о свершениях, характеризующих «дорогу» данного персонажа на суфийском пути (подвиги в голодании, проявления необычайной осмотрительности, великое упование на Бога и т. д.), истории, доказывающие его духовное превосходство (например, над правителем или традиционным богословом), а также описания чудес. Последние обычно заставляют кого-то из мусульман, «отрицающих», т. е не приемлющих путь суфийства, покаяться и поверить, а иноверцев (зороастрийцев, иудеев, христиан) — принять ислам[21]. Речения святого, как правило, вводятся формулой «сказал», за которой следует высказывание от первого лица[22]; ʻАттар передает слова святых в основном по-персидски, но нередко встречаются и арабские цитаты, сопровождаемые персидским переводом автора[23]. В развернутых жизнеописаниях после речений могут следовать «моления» (*munājāt*) — излияния сокровенных помыслов святого в молитве, обращенной к Богу. Завершение жития, как правило, двухчастно: за описанием предсмертного наставления старца ученикам и обстоятельств его кончины следуют сообщения о снах (одном или нескольких), приснившихся кому-то из сподвижников или учеников. В них

[18] В пространных житиях встречаются лишь отдельные фрагменты, внутри которых дана некая последовательность событий, ср., например, «Поминание Хусайна б. Мансура Халладжа», в котором детально описано его мученичество — пребывание в темнице, следование к месту казни и этапы казни.

[19] Бишр Хафи наставлял: «Если начнешь сколько-нибудь гордиться [своими] словами — молчи! А когда возгордишься молчанием — говори!» [ʻAṭṭār 2007: 116], перевод см. далее в публикации Т. А. Счетчиковой.

[20] Ср. [Paul 2014: 206], где те же особенности отмечены в агиографической «монографии» — житии шейха Жинда-Пила (середина XII в.).

[21] О классификации и функциях чудес, совершаемых «друзьями Бога», см.: [Gramlich 1987].

[22] Й. Паул связывает эту стилистику цитирования с тем, что для суфиев имеет значение только личный опыт близости и любви к Богу [Paul 2014: 220]; стоит отметить, что форма передачи наставлений «от первого лица» была отработана уже в среднеперсидской дидактике, генетические связи агиографического нарратива со сборниками зороастрийских наставлений представляют перспективное поле исследований.

[23] В публикациях житий все переводы арабских фрагментов текста выделены курсивом.

почивший рассказывает, как его встретили в потустороннем мире, и/или дает свое последнее поучение. Зачин и сны, образующие композиционную рамку жития, часто акцентируют и его основную мораль.

В подборку помещенных далее переводов включены жития друзей, шедших к Богу несхожими дорогами. Босоногий Бишр был из «пьяных» и «смятенных», а Ахмад Ханбал и Суфйан Саури — из трезвых богословов, правоведов и толкователей Корана; Шакик Балхи вел жизнь суфия-воина, Давуд Та'и — отшельника, а ученые-суфии Харис Мухасиби и Сахл Тустари жили в миру и писали книги, как по различным аспектам богословия, так и по доктрине суфизма. Эти главы из книги ʻАттара (как и все прочие) предлагают обычным суфиям разнообразные поведенческие модели (как «делать жизнь с кого») и, что не менее важно, обучают видеть за внешней стороной всякого действия или жизненного события его скрытый, внутренний, духовный смысл.

Литература

Алонцев 2016 — *Алонцев М. А.* «Его речи о пути многочисленны»: функции жития Джаʻфара Садика в «Поминаниях друзей Божиих» Фарид ад-Дина ʻАттара // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 3 (12) (в печати).

Алонцев и др. 2016 — *Алонцев М. А, Лахути Л. Г., Никитенко Е. Л., Счетчикова Т. А., Чалисова Н. Ю.* Джунайд Багдади: «Павлин ученых» и «Султан приобщенных к истине» // Ya evaṃ veda... Кто так знает...: Памяти Владимира Николаевича Романова / Под ред. И. С. Смирнова; Сост. Н. Ю. Чалисова и др. М.: РГГУ, 2016. С. 380–439 (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та восточных культур и античности; Вып. LXI).

Заглубоцкая 2015 — *Заглубоцкая Т. А.* Жизнеописание ʻАли Сахла Исфахани из «Тазкират ал-Аулийа» ʻАттара и суфийская агиографическая традиция // Ученые записки Худжандского гос. ун-та им. акад. Б. Гафурова. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. № 1 (42). С. 84–92.

Коран 1986 — Коран / Пер. с араб. и коммент. И. Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Наука, 1986.

Лахути 2015a — *Лахути Л. Г.* Шакик Балхи и учение о *таваккул* (уповании на Бога): репрезентация в доктрине и житиях от Ас-Сулами до ʻАттара // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 3. С. 103–113.

Лахути 2015b — *Лахути Л. Г.* Александр Великий в поэме ʻАттара «Илахи-наме» // Ya evaṃ veda... Кто так знает...: Памяти Владимира Николаевича Романова / Под ред. И. С. Смирнова; Сост. Н. Ю. Чалисова и др. М.: РГГУ, 2016. С. 328–347 (Orientalia et Classica: Тр. Ин-та восточных культур и античности; Вып. LXI).

Рейснер, Чалисова 1998 — *Рейснер М. Л., Чалисова Н. Ю.* «Я есмь Истинный Бог»: образ старца Халладжа в лирике и житийной прозе ʻАттара // Семантика образа в литературах Востока. М.: Вост. лит. РАН, 1998. С. 121–158.

Счетчикова 2014 — *Счетчикова Т. А.* «Введение» к «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-Дина ʻАттара: формулировка авторского замысла // Вестник РГГУ. Сер. «Востоковедение. Африканистика». 2014. № 6. С. 96–119.

Худжвири 2004 — *Аль-Худжвири.* Раскрытие скрытого. Старейший персидский трактат по суфизму / Пер. А. Орлова, с англ. пер. Р. Николсона; Науч. ред. рус. пер. Н. И. Пригарина. М.: Единство, 2004.

Чалисова 1989 — *Чалисова Н. Ю.* «Зикр Малика Динара» из «Тазкират ал-аулийа» Фарид ад-Дина Аттара // Суфизм в контексте мусульманской культуры. М.: Наука, 1989. С. 139–173.

Чалисова 2015 — *Чалисова Н. Ю.* «Аромат» Увайса Карани в персидской поэзии и его житие в «Поминании друзей» ʻАттара // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2015. № 3. С. 79–100.

Algar 1987 — *Algar H*. Awlīāʾ // Encyclopaedia Iranica / Ed. by E. Yarshater. [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies. 1987. Vol. 3. Fasc. 2. P. 119–120.

ʻAṭṭār 1905 — The Tadhkiratu ʻl-Awliyā of Muḥammad ibn Ibāhīm Farīdu'D Dīn ʻAṭṭār / Ed. by R. A. Nicholson, with a critical intr. by M. M. Qazwīnī. London: Luzac & Co., Leide: E. J. Brill, 1905. Part. 1.

ʻAttár 1931–1932 — *Shaikh Farídu'd-din ʻAttár*. Ur Tazkiratú ʻL-Awliyá I–II / Öfversatt af Baron E. Hermelin efter Professor R. A. Nicholson's text: 2 volymer. Stockholm: Norstedt, 1931–1932.

ʻAṭṭār 2007 — *Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad ʻAṭṭār Nišābūrī.* Taẕkiratu-l-awliyā' / Barrasī, taṣḥīḥ-i matn, tawżīḥāt va fahāris: duktur Muḥammad Isti'lāmī. 16th ed. Tehran: Zavvar, 1386/2007.

ʻAttār 2009 — Farid ad-Din ʻAttār's Memorial of God's friends: Lives and sayings of Sufis / Transl. and intr. by P. E. Losensky. New York; Mahwah: Paulist Press (The Classics of Western Spirituality Series).

Conermann, Rheingans 2014 — Narrative patterns and genre in hagiographic life writing: Comparative perspectives from Asia to Europe / Ed. by S. Conermann, J. Rheingans. Berlin: EBVerlag, 2014.

Este'lami 2004 — *Este'lami M*. Taḏkerat al-awliāʾ // Encyclopaedia Iranica Online / Ed. by E. Yarshater. [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies, 1996–. 2004. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/tadkerat-al-awlia-2.

Gramlich 1987 — *Gramlich R*. Die Wunder der Freunde Gottes. Theologien und Erscheinungsformen des Islam. Heiligenwunders. Wiesbaden: Steiner, 1987

Heffernan 1988 — *Heffernan Th. J*. Sacred biography. Saints and their biographers in the Middle Ages. New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1988.

Hermansen 1995 — *Hermansen M. K*. Biography and hagiography // Oxford encyclopedia of the modern Muslim world. New edition / Ed. by J. L. Esposito. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. P. 218–221.

Kramer 1991 — Middle Eastern lives: The practice of biography and self-narrative (Contemporary issues in the Middle East) / Ed. by M. Kramer. Syracuse, N. Y.: Syracuse Univ. Press, 1991.

Muslim saints 1966 — Muslim saints and mystics: Episodes from the Tadhkirat al-Auliya' (Memorial of the Saints) by Farid al-Din Attar / Transl. by A.J. Arberry. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1966.

Paul 2012 — *Paul J.* Hagiographic literature // Encyclopaedia Iranica Online / Ed. by E. Yarshater. [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies, 1996–. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/hagiographic-literature.

Paul 2014 — *Paul J.* Constructing the Friends of God: Sadid al-Din Ghaznavi's Maqāmāt-i Ẑinda-pīl (with some remarks on Ibn Munawwar's *Asrār al-tawhīd*) // Narrative patterns and

genre in hagiographic life writing: Comparative perspectives from Asia to Europe / Ed. by S. Conermann, J. Rheingans. Berlin: EB-Verlag, 2014. P. 205–226.

al-Qushayri 2007 — al-Qushayri's Epistle on Sufism = *Abu'l-Qasim al-Qushayri*. Al-Risala al-qushayriyya fi ʻilm al-tasawwuf / Transl. by A. D. Knysh, reviewed be M. Eissa. Reading: Garnet Publishing Limited, 2007.

Reinert 1987 — *Reinert B*. Aṭṭār, Farīd-al-Dīn // Encyclopaedia Iranica / Ed. by E. Yarshater. [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies. Vol. 3. Fasc. 1. 1987. P. 20–25.

The way and the paths of the righteous in the *Memorial of God's Friends* by Farid ad-Din ʻAttar

Chalisova, Natalia Iu.
PhD (Candidate of Science in Philology)
Senior Researcher, Laboratory of Oriental Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Тел. +7 (499) 956-96-47
E-mail: chalisova@hotmail.com

Abstract. A research project on hagiographic narrative in Persian literature and culture is now in progress in the Laboratory of Oriental Studies and Comparative Linguistics SASH. Currently, research is centered on studying the first full-scale collection of sacred biographies, *Memorial of God's Friends* by Farid ad-Din ʻAttar, and on preparing a commented translation of the book into Russian. The article provides an outline of the main directions of study (narrative patterns at the formative period of Persian hagiographic writing; the sainthood narrative and its impact beyond the genre) and serves as an introduction to the sample translations from ʻAttar's compendium published in this issue of the journal.

Keywords: Iran, Islam, Sufism, hagiography, Farid ad-Din ʻAttar

References

Algar, H. (1987). Awlīāʾ. In E. Yarshater (Ed.). *Encyclopaedia Iranica* (Vol. 3, Fasc. 2, 119–120). [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies.

Alontsev, M. A. (2016). "Ego rechi o puti mnogochislenny": funktsii zhitiia Dzhaʻfara Sadika v "Pominaniiakh druzei Bozh'ikh" Farid ad-Dina ʻAttara [His speeches on the Path are numerous: Functions of the "Life of Jaʻfar Sadiq" in Farid al-Din ʻAttar's *Memorial of God's Friends*]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities], ser. "Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie" [History. Philology. Culture Studies. Oriental Studies], no. 3 (12) (forthcoming). (In Russian).

Alontsev, M. A., Lahuti, L. G., Schetchikova, T. A., Nikitenko, E. L., Chalisova, N. Iu. (2016). Dzhunaid Bagdadi: "Pavlin uchenykh" i "Sultan priobshchennykh k istine" [Junayd Baghdadi: "The Peacock of the learned" and "the Sultan of the realized"]. In I. S. Smirnov (Ed.), N. Iu. Chalisova et al. (Compl.) *Ya evaṃ veda... Kto tak znaet: Pamiati Vladimira Nikolaevicha Romanova* [Ya evaṃ veda... Who knows thus...: In memory of Vladimir Nikolaevich Romanov], 380-439. Moscow: RGGU (In Russian).

Arberry, A. J. (Transl. and Introd.) (1966). *Muslim saints and mystics: Episodes from the Tadhkirat al-Auliya' (Memorial of the Saints) by Farid al-Din Attar*. Chicago: Univ. of Chicago Press.

'Attar, F. (1905). The Tadhkiratu 'l-Awliyā of Muḥammad ibn Ibāhīm Farīdu'D Dīn 'Aṭṭār (Vol. 1). (R. A. Nicholson, Ed.) (M. M. Qazwīnī, Critical Intro.). London: Luzac & Co., Leiden: E. J. Brill. 66 p. + 357 s. (Persian text).

'Attár, Shaikh Farídu'd-din (1931—1932). *Ur Tazkiratú 'L-Awliyá I–II* (Vols. 1–2) (Baron E. Hermelin, Trans. after Professor R. A. Nicholson's text). Stockholm: Norstedt. (In Swedish).

Chalisova, N. Iu. (1989). "Zikr Malika Dinara" iz 'Tazkirat al-auliiia" Farid ad-Dina Attara [Malik Dinar's *Zikr* in *Tazkirat al-awliya* by Farid ad-Din 'Attar]. In *Sufizm v kontekste musul'manskoi kul'tury* [Sufism in the context of Islamic culture], 139–173. Moscow: Nauka. (In Russian).

Chalisova, N. Iu. (2015). "Aromat" Uvaisa Karani v persidskoi poezii i ego zhitie v "Pominanii druzei" 'Attara [Uvays Qarani's "fragrance" and his life story in the *Memorial of God's Friends* by 'Attar]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]*, ser. "Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie"* [History. Philology. Culture Studies. Oriental Studies], no. 3, 79–100. (In Russian).

Conermann, S., Rheingans J. (Eds.) (2014). Narrative patterns and genre in hagiographic life writing: Comparative perspectives from Asia to Europe. Berlin: EB-Verlag.

Este'lami, M. (2004). Taḏkerat al-awliāʾ. In E. Yarshater (Ed.). *Encyclopaedia Iranica Online*. [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies. Retrieved from http://www.iranicaonline.org/articles/tadkerat-al-awlia-2.

Gramlich, R. (1987). *Die Wunder der Freunde Gottes. Theologien und Erscheinungsformen des Islam. Heiligenwunders*. Wiesbaden: Steiner. (In German).

Heffernan, Th. J. (1988). *Sacred biography. Saints and their biographers in the Middle Ages*. New York; Oxford: Oxford Univ. Press.

Hermansen, M. K. (1995). Biography and hagiography. In J. L. Esposito (Ed.). *Oxford encyclopedia of the modern Muslim world*, 218—221. Oxford: Oxford Univ. Press.

Al'-Khudzhviri (2004). *Raskrytie skrytogo. Stareishii persidskii traktat po sufizmu* [The Revelation of the Veiled. The oldest Persian treatise on Sufism, by Al-Hujwiri] (A. Orlov, Trans., from R. Nicholson's English translation (1936)), (N. I. Prigarina, Academic Ed. of the Russian translation). Moscow: Edinstvo. (In Russian).

'Aṭṭār Nišābūrī, Šayx Farīd al-Dīn Muḥammad (1386/2007). *Taẕkiratu-l-awliyā'* [Memorial of God's friends] (Dr. M. Este'lami, Ed. of the text, Comment. and Indices) (16th ed.). Tehran: Zavvar. (In Persian).

Koran (1986) [Quran] (2nd ed,) (I. Iu. Krachkovskii, Transl. from Arabic and Comment.). Moscow: Nauka. (In Russian).

Kramer, M. (Ed.) (1991). *Middle Eastern lives: The practice of biography and self-narrative (Contemporary issues in the Middle East)*. Syracuse, N. Y.: Syracuse Univ. Press.

Lahuti, L. G. (2015a). Shakik Balkhi i uchenie o *tavakkul* (upovanii na Boga): reprezentatsiia v doktrine i zhitiiakh ot As-Sulami do ʻAttara [Shaqiq Balkhi and the concept of *tawakkul* (trust in God): representation in the doctrine and the hagiography from Al-Sulami to ʻAttar]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]*, ser. "Istoriia. Filologiia. Kul'turologiia. Vostokovedenie"* [History. Philology. Culture Studies. Oriental Studies], no. 3, 103–113. (In Russian).

Lahuti, L. G. (2015b). Aleksandr Velikii v poeme ʻAttara "Ilahi-name" [Alexander the Great in ʻAttar's *Ilahi-name*]. In I. S. Smirnov (Ed.), N. Iu. Chalisova et al. (Compl.) *Ya evaṃ veda... Kto tak znaet: Pamiati Vladimira Nikolaevicha Romanova* [Ya evaṃ veda... Who knows thus...: In memory of Vladimir Nikolaevich Romanov], 328-347. Moscow: RGGU. (In Russian).

Losensky, P. E. (Transl. and Intro.) (2009). *Farid ad-Din 'Attār's Memorial of God's friends: Lives and sayings of Sufis*. New York; Mahwah: Paulist Press. (The Classics of Western Spirituality Series).

Paul, J. (2012). Hagiographic literature. In E. Yarshater (Ed.). *Encyclopaedia Iranica Online*. [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies. Retrieved from http://www.iranicaonline.org/articles/hagiographic-literature.

Paul, J. (2014). Constructing the Friends of God: Sadid al-Din Ghaznavi's Maqāmāt-i Ẑinda-pīl (with some remarks on Ibn Munawwar's *Asrār al-tawhīd*). In S. Conermann, J. Rheingans (Eds.). *Narrative patterns and genre in hagiographic life writing: Comparative perspectives from Asia to Europe*, 205–226. Berlin: EB-Verlag.

Knysh, A. D. (Transl. and Introd.) (2007). *al-QushaEyri's Epistle on Sufism*. *Abu'l-Qasim al-Qushayri*. *Al-Risala al-qushayriyya fi 'ilm al-tasawwuf* (Dr. M. Eissa, Review). Reading: Garnet Publishing.

Reinert, B. (1987). Aṭṭār, Farīd-al-Dīn. In E. Yarshater (Ed.). *Encyclopaedia Iranica* (Vol. 3, fasc. 1, 20–25). [New York]: Columbia Univ. Center for Iranian Studies.

Reisner, M. L., Chalisova, N. Iu. (1998). "Ia esm' Istinnyi Bog": obraz startsa Khalladzha v lirike i zhitiinoi proze Attara ["I am the True God": The image of the elder Hallaj in Attar's lyrical poetry and hagiographic prose]. In *Semantika obraza v literaturakh Vostoka* [Semantics of image in the literatures of the East], 121–158. Moscow: Vostochnaia literatura RAN. (In Russian).

Schetchikova, T. A. (2014). "Vvedenie" k "Tazkirat al-auliiia" Farid ad-Dina ʻAttara: formulirovka avtorskogo zamysla ["Introduction" to the *Tazkirat al-awliya* by Farid ad-Din ʻAttar: A statement of the author's design]. *Vestnik RGGU* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities]*, ser. "Vostokovedenie. Afrikanistika"* [Oriental and African Studies], no. 6, 96–119. (In Russian).

Zaglubotskaia, T. A. (2015). Zhizneopisanie ʻAli Sakhla Isfakhani iz "Tazkirat al-Auliiia" ʻAttara i sufiiskaia agiograficheskaia traditsiia [ʻAli Sahl Isfahani's biography from *Tazkirat al-awliya* by ʻAttar and Sufi hagiographic tradition]. In *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika B. Gafurova* [Bulletin of the B. Gafurov State University of Khujand]*, ser. "Gumanitarnye nauki"* [The Humanities], no. 1 (42), 84–92. (In Russian).

Chalisova, N. Iu. (2016). The way and the paths of the righteous in the *Memorial of God's Friends* by Farid Ad-Din ʻAttar. *Shagi / Steps, 2*(2–3), 194–207